

Статья поступила в редакцию 06.03.2015 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930 (470.332+73)

THE ANATOMY OF TERROR: POLITICAL VIOLENCE UNDER STALIN / ED. BY J. HARRIS. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2013. – 333 P. – ISBN 978-0-19965566-3

М. Н. Артеменков

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, г.
Смоленск, Россия

Анализируется коллективное исследование американских и английских историков, посвящённое проблемам политического развития СССР сталинского периода. В рецензии внимание обращается на современные подходы в зарубежной советологии к вопросам причин и практик государственного террора, роли Сталина и советской элиты в политических процессах 1920–30-х гг.

Ключевые слова: Советский Союз, сталинизм, террор, политическая элита, государственная политика, советология.

В 2010 г. в Лидсе состоялась конференция «Сталинский террор: контекст, происхождение и динамика». По мнению её организатора Джеймса Харриса, изучение политических институтов сталинского периода прошло определённый период, когда политическая история не пользовалась популярностью у исследователей. Только в первое десятилетие XXI в. началось возрождение интереса историков к обозначенной теме, что привело к росту фундаментальных исследований, посвящённых вопросам репрессий и политического террора в 1930-е гг. в СССР. Накопление исследовательского материала, по мнению автора, в определённый момент определило необходимость широкой дискуссии, которая позволила осознать полученные результаты и наметить пути для новых исследований.

Во введении к книге, в которую вошли исследования историков, выступивших на конференции, Дж. Харрис значительно облегчает для читателя задачу, связанную с восприятием достаточно разнородных по содержанию и подходов статей. Во-первых, он считает необходимым обозначить основные этапы в развитии историографии рассматриваемой проблемы, а во-вторых, объяснить структуру и логику построения исследования.

Автор указывает на ряд спорных вопросов в историографии и выделяет ключевые темы в изучении рассматриваемого периода, а также определяет некоторые векторы, задающие общий настрой рецензируемого издания. Дж. Харрис поднимает вопрос о том, почему Сталин санкционировал Большой Террор, который привел к массовым репрес-

сиям и колоссальному количеству жертв. И сам на него дает ответ: «Сталин верил, что режим стоит перед внутренними и внешними угрозами, и через репрессии он хотел показать силу советского государства, которое могло преодолеть все заговоры».

Основные этапы развития историографии Харрис связывает во многом с расширением источниковой базы исследований. Так он выделяет период Оттепели, когда исследователи получили пусть и весьма ограниченный, но доступ к материалам, связанным с разоблачением культа личности Сталина. Второй этап, названный ревизионизмом, стал результатом использования в исследованиях пропагандистских источников, а также материалов Смоленского архива.

Перестройка и развал Советского Союза инициировали активное изучение различных аспектов сталинской эпохи. Перечисляя наиболее значимые исследования 1990–2000-х гг., автор определяет основные темы и методологические подходы исследований. При этом он ничего не говорит ни о центрах советологии, которые были созданы и функционировали в разных странах, ни о политических задачах, которые они должны были выполнять.

Наконец автор обозначает структуру работы, которая разбита на восемь глав. Каждая из них посвящена одному из ключевых вопросов, которые, по мнению Харриса, позволяют комплексно взглянуть на проблему политических репрессий в СССР 1930-х гг. Для того, чтобы читатель мог получить более объективную картину, каждая глава состоит из двух статей, написанных

разными авторами, которые либо дополняют друг друга, либо наоборот, полемизируют между собой. Такой подход действительно позволяет лучше осознать масштабность обозначенных проблем и увидеть современные предложения по их изучению.

Первая часть представляет собой современные исследования причин и динамики развития политических репрессий 1936–1938 гг. Задача авторов заключалась во многом в опровержении тезиса о том, что террор был результатом стремления Сталина получить абсолютную власть. Также они прослеживают связь политических репрессий в 1930-е гг. с различными факторами: идеями марксизма и В. Ленина, влиянием насилия, порожденного Первой мировой и гражданской войнами, террористическими методами борьбы с царским режимом в дореволюционной России.

Рассматривая ещё один расхожий тезис о том, что Сталин не мог осуществлять политику террора в одиночку, Я. Лохлан и Дж. Харрис рассматривают развитие органов ВЧК–ОГПУ–НКВД и их место в системе нового советского государства. Первый из авторов сосредотачивает свое внимание на развитии карательного аппарата не столько как института, сколько как системы представлений, направленных на защиту завоеваний революции. Для проведения подобного исследования Я. Лохлан предлагает проанализировать менталитет участников данных органов в том смысле, в каком этот термин понимался в школе Анналов. То есть автор предлагает рассмотреть не только идеологию, но и изучить влияние социальных, эмоцио-

нальных, культурологических факторов. В итоге он ставит задачу рассмотрения менталитета «чекизма», сформированного задолго до начала большого террора в результате деятельности Ф. Дзержинского (с. 13).

Я. Лохлан отмечает, что ВЧК была в истории единственной из подобных ей организаций, весь персонал которой не имел опыта службы в аналогичных структурах. Автор приводит примеры гестапо, которое в основном было создано на основе тайной полиции Веймарской республики, ФСБ, созданное на базе КГБ. Даже в революционной Франции персонал политической полиции не менялся кардинально, несмотря на все изменения политической системы (классическим примером тому может служить Ж. Фуше). Таким образом, в системе ВЧК не нашлось места ни деятелям царской охраны, ни жандармам.

Лохлан объясняет эту особенность крайней идеологизированностью данной службы. «ВЧК не защищала законность, государственный строй или даже государственных лидеров, но прежде всего свою версию мироустройства, закреплённую в священных текстах» (с. 19). Чекисты были органом партии, действовали в рамках партийных директив и контроля, и их менталитет был отличен от существовавших в начале XX в. норм.

Проявление особого мировоззрения сотрудников ВЧК можно найти в разных сферах, включая особый язык со своей терминологией, лингвистическими гиперболами и категориями. Язык «чекизма» показывает, что «они не думали как простые полицейские, поскольку

они не считали себя простыми полицейскими» (с. 22).

Подводя итог, Я. Лохлан отмечает, что менталитет ВЧК складывался из большого числа элементов: специфических отношений с лидером партии, личных особенностей первых членов организации, их веры в идеологические установки, военной жесткости. Но это были люди, которые были готовы использовать самые передовые технические средства, а также методы работы: телефон, телеграф, институт прописки, фотографию, психологию, социологию. Все это, по мнению автора, формировало уже не просто «менталитет чекизма», а «менталитет репрессий». В конечном счёте «тайная полиция» посчитала, что действовать необходимо как проводник «желаний» населения, что и предопределило политические колебания в период Большого Террора (с. 28).

Статья Дж. Харриса дополняет предыдущее исследование в части понимания и восприятия политической полицией внутренних и внешних угроз делу революции. Харрис достаточно спорно пытается показать, что корни политического насилия в России восходят не к Сталину и даже не к Ленину, а тянутся ко времени Ивана Грозного. Таким образом, автор подводит читателя к тому, что действия Сталина, так же как и в предшествующий период, были ответом на мнимые или реальные опасности, которые могли разрушить государство. В результате Харрис сводит вопрос к изучению реальности вызовов, стоявших в данном случае перед СССР 1930-х гг. По его мнению, вся советская элита, включая Сталина, а также

большинство рядовых советских людей верили в неминуемость новой гражданской войны, которую были готовы развязать участники Белого движения, находящиеся за границей, при поддержке капиталистических стран, начав тем самым «антикоммунистический крестовый поход» (с. 30).

Автор отмечает, что созданной Лениным политической полицией в период 1924–1936 гг. не приходилось бороться против серьёзных внутренних или внешних угроз. Однако опыт, бывший у лидеров советского государства, их идеологические установки, их марксистское понимание развития революции и контрреволюции, говорили о том, что над СССР нависает смертельная угроза уничтожения. Всё это со временем трансформировалось в устойчивое общественное мнение о том, что репрессии были результатом подозрительности, кровожадности и непомерных политических амбиций Сталина.

Основные направления исследований, представленных во второй главе, понятны уже из её названия «Сталин и партия». Авторы отмечают, что главным вопросом, требующим в настоящее время ответа, является не дискуссия о психическом здоровье лидера партии. Требуется объяснения то, почему представления одного человека могли привести к массовому террору, который был поддержан большей частью общества. При этом его значительная часть действовала не только из-за страха, но и из-за веры в правильность подобных методов управления.

Другая часть доказательств связана с тем, что Сталин не был «ещё

одним политиком», как и советский режим его периода не был «ещё одной политической системой» (с. 47). Авторы считают, что изучение диктатур и тираний невозможно без понимания психологии диктатора или тирана. В связи с этим объяснение сталинизма не может быть отделено от личности Сталина, его мировоззрения, мотивов, способов деятельности. Поэтому, по мнению ряда учёных, чтобы понять произошедшее, необходимо тщательно изучить его психологию, способ мышления, язык и другие составляющие его миропонимания.

И. Риис предлагает изучать феномен сталинизма именно таким образом. С его точки зрения невозможно судить выдающихся политиков с тех позиций, с каких мы подходим к деятельности обыкновенных людей. Поэтому автор считает, что необходимо сконцентрироваться на том, как Сталин понимал многие политические явления, изучить его концепцию миропорядка и методы реализации принятых решений. Следовательно, Риис предлагает рассмотреть способы использования террора большевиками и определить моральные установки, которые присутствовали у лидеров партии и определяли их политику.

Исходя из указанных задач, автор статьи отмечает, что террор был традиционным средством в русском революционном движении. Ленин считал его законным и необходимым инструментом политической борьбы. По мнению Рииса, такой подход был результатом восприятия лидером большевизма положения конвенционалистской этики, согласно которому цель оправдывает средство (с. 51). Однако необходимо отме-

титель, что автор трактует данное положение слишком однозначно. Всё же консеквенциалистская теория разрабатывалась изначально в либеральной традиции, которая исходила из признания и защиты прав человека. В традиции же большевизма главной целью стала защита классовых интересов, которым должна подчиняться любая личность, даже в ущерб своим правам.

В целом же, по мнению Рииса, именно В. И. Ленин заложил основы сталинского террора, попытавшись, правда, создать саморегулятор для диктатуры – Центральную контрольную комиссию (Рабкрин). Однако последний практически сразу попал под контроль Сталина. В условиях конца 1920 – начала 1930-х гг., когда произошли коллективизация, раскулачивание, голод, позиции лидера партии пошатнулись. Риис считает, что всё это, помноженное на персональный параноидальный характер Сталина и стало основой, которая легла в основу Большого террора. Попытки вождя установить жёсткий политический контроль были призваны переложить его прошлые промахи на внутренних врагов режима, уничтожить всех своих недоброжелателей и критиков. Имея в руках неограниченную власть, он трансформировал диктаторский режим в деспотический, где террор был главным и постоянным инструментом правления (с. 64).

В статье Дж. Арч Гетти, посвящённой исследованию деятельности секретаря Ярославского областного комитета партии А. Р. Войнова, показана история одного из региональных партийных лидеров. По мнению автора, в рассматриваемый период

существовало определённое противостояние между центральными партийными органами и местными организациями, которые представляли собой достаточно сплочённые кланы, группировавшиеся вокруг своих местных лидеров. Местные «клики», сформированные партийными руководителями, функционировали как политические организмы, защищавшие своих членов от какой-либо критики и внешней угрозы. Арч Гетти указывает, что в течение 1937–1938 гг. по приказу Сталина были арестованы члены практически каждого обкома или крайкома, а также секретари всех национальных образований в составе СССР. Таким образом, подверглись террору все руководители территориальных партийных органов.

По мнению автора статьи, Сталин был изначально сторонником крайней централизации. Он постоянно отстаивал необходимость подчинения местных партийных комитетов центру, партийной дисциплине и принимаемым решениям. Следовательно, террор, в представлении Арч Гетти является результатом конфликта, возникшим между центром и партийными лидерами на местах и связанным с контролем над политической, выполнением экономических планов, бюджетными ресурсами, наказанием оппозиционеров, партийными выборами. Местные лидеры достаточно долго и активно сопротивлялись попыткам Москвы сосредоточить всю власть в своих руках, и эта ситуация была преодолена центральными органами власти только в первой половине 1930-х гг. Первоначально Сталин ослабил сложившиеся кланы переводя лидеров из

одного региона в другой и тем самым отрывая их от сложившейся клиентелы. В итоге все они впоследствии были арестованы и репрессированы. По мнению Арч Гетти, борьба Сталина и региональной партийной элиты и была главным содержанием борьбы за власть, закончившейся победой лидера партии.

Ещё одним актуальным направлением в изучении советского периода истории в западной науке является рассмотрение сталинизма сквозь призму государственных и правовых практик, существовавших в Европе и мире. Исследователи отмечают рост социальных изменений в новое время и считают их результатом влияния Просвещения, которое предложило перестроить отношения в обществе на основе научного мировоззрения. Этические установки новых общественных отношений заставляли государственных деятелей и политических мыслителей искать новые средства для управления своим населением, делая его социально здоровым и изолируя лиц с девиантным поведением. Таким образом, ряд историков считает, что сталинский террор был своеобразным развитием указанных политических установок и преследовал цель уничтожения тех лиц, кто был не согласен с «эстетическими идеалами коммунистического общества».

В статьях, составивших следующую часть книги, Д. Хоффман и Д. Шерер исследуют феномены, связанные с практиками социальных изменений или социальной инженерии. Хоффман показывает историю возникновения таких инструментов государственного принуждения, использовавшихся советским государством, как концлагеря, преследова-

ния по национальному или иному признаку, депортации и т. д. С точки зрения автора, подобные методы государственного насилия восходят к практикам XIX в. и берут своё начало в представлениях криминалистов и в методах осуществления колониальной политики. Они были опробованы в региональных конфликтах конца XIX – начала XX вв. (американо-испанской и англо-бурской войнах) и получили широкое распространение в годы первой мировой войны. Таким образом, автор приходит к выводу, что Сталин и его окружение являются не изобретателями, а лишь пользователями рассмотренных технологий государственного насилия, которые они применяли для уничтожения «внутренних врагов и представителей пятой колонны» во второй половине 1930-х гг.

Д. Шерер в своей статье использует концепцию социальной инженерии для объяснения политики массовых репрессий. Автор возвращается к старым нарративным исследованиям, в которых анализировались особенности периода, места и условий, определивших уникальность 1930-х гг., а также реакцию сталинского режима на нарастающий кризис. В последнем государстве увидело опасность для собственной безопасности и ответило крайними формами массовых репрессий.

Ранние исследования сталинского террора, как правило, выделяли особую роль, которую играла идеология большевизма (или марксизма), а также отмечали ее отличие от либеральной демократии. Историография последнего десятилетия подчеркнула важность изучения идеологических установок правящей элиты,

считая, что такие институты как социальная инженерия и массовая мобилизация были идеями, которые использовали как тоталитарные режимы, так и демократические правительства. В четвертой главе представлены статьи Д. Пристленда и Д. Бранденбергера, которые рассматривают значение идеологии в ином свете. Пристленд показывает значение связи между научными и утопическими элементами в большевистских представлениях об обществе и их реализации в советском государстве 1930-х гг. Сравнивая политику террора левых (Сталина, Мао Дзедуна, Пол Пота) и правых (Гитлера), автор доказывает, что Сталин прибег к массовым репрессиям не для укрепления собственной власти, а для придания нового импульса революционному движению, которое начало терять динамику (с. 131).

Бранденбергер, напротив, старается показать читателю изнанку убеждений тех политических групп и их лидеров, которые формировали идеологию. Автор описывает сложный процесс создания в 1930-е гг. истории ВКП(б) и причины, которые заставили Сталина вмешаться в этот процесс. По мнению Бранденбергера, это было связано не столько с необходимостью создания идеологических установок, сколько с изменением взглядов лидера советского государства на роль фракционной борьбы и террора в истории партии.

Авторы пятой части рецензируемой книги посвятили свои исследования изучению роли правоохранительных органов, включая суды, в проводимой в рассматриваемый период политике террора. Они отме-

чают, что в советский период, когда большинство архивных материалов было недоступно исследователям, многие историки полагали, что полиция и суды не играли большой роли в определении тех групп лиц, которые подвергались террору. Также считалось, что роль судебных органов в массовых арестах и чистках была номинальной. Однако представленные статьи дают нам новое понимание обозначенных проблем. П. Хагенло показывает, как по-разному ВЧК – ОГПУ – НКВД и суды видели практику применения террора, а также их понимание врагов существующего режима со времени революции до середины 1930-х гг. Он подчеркивает важность возрастающего контроля со стороны правоохранительных органов, их роль в определении враждебных элементов и последующем их преследовании. Хагенло рассматривает эволюцию карательных технологий государства, которые служили прелюдией Большого террора.

В статье Г. Риттерспорна, напротив, рассматриваются расхождения между политикой и практикой. Он прослеживает изменения, которые происходили с судебными органами в связи с новыми практиками НКВД. Автор показывает нам неожиданный поворот в политике правоохранительных органов через массовые чистки в 1937–1938 гг. Риттерспорн настаивает, что политические процессы были не запланированы, плохо скоординированы и не ставили своей целью освободить страну от гипотетических врагов. В конечном счёте историк приходит к выводу, что государство отказалось от практики массовых чисток, по-

скольку изменилось представление об антигосударственной деятельности как таковой.

В двух статьях следующего раздела изучаются предпосылки террора с точки зрения длительных социальных, политических и экономических изменений, которые оказали влияние на формирование условий для осуществления изучаемых процессов. Авторы рассматривают такие предпосылки как политическая культура большевизма, представления о классовой борьбе, традиционные представления об использовании насилия государством, страх перед внешним вторжением. Они сходятся во мнении, что в период 1936–1939 гг. террор имел несколько волн, которые различались своими причинами и результатами.

Т. Леной рассматривает убийство Кирова в декабре 1934 г. как предпосылку террора против бывшей партийной оппозиции и генералитета. Он считает, что это преступление стало неожиданностью для Сталина, который, вопреки распространённому мнению, не имел отношения к его организации. Убийство породило длительный страх перед заговорами и недоверие при реализации политических действий, которые в результате вылились в террор против всех оппозиционеров: реальных, возможных и даже вымышленных.

В статье А. Гетти мы видим возвращение к теме взаимоотношений центрального руководства страны с территориальной партийной элитой. По мнению автора, внутреннее сопротивление, которое существовало среди населения, обострилось в 1937 г., когда новая система выборов дала возможность оппонентам критико-

вать существующий режим. Таким образом, Гетти пытается объяснить причины новой волны террора, направленной уже против рядовых граждан. Он считает, что Сталин и его ставленники на местах боялись восстаний на окраинах страны, что и предопределило массовые чистки 1937–1938 гг. (с. 216).

Статьи В. Чейза и В. Голдман акцентируют внимание читателя не на партийной политике в высших эшелонах власти, а на практиках её реализации. Исследование первого из авторов посвящено изучению партийной организации Коминтерна через рассмотрение судеб его функционеров. В статье Голдман анализируются практики террора на заводах Москвы между 1936 и 1938 г.

Чейз показывает изменения, которые произошли в общественном мнении с развитием политики репрессий, на примере судеб Л. Мадьяра и Г. Аликханова. Они были исключены из партии в 1934 г. и репрессированы в 1937 г. Первый из них, тесно связанный с Зиновьевым и Сафаровым, признал свою вину и был подвергнут остракизму за помощь, которую он оказывал своим арестованным товарищам. Его дело было примером того, как большевики должны относиться к врагам народа. Г. Аликханов был одним из тех, кто обвинял Мадьяра и в итоге занял его место. Дело Аликханова отличается от предшественника только тем, что он был обвинён уже после своего ареста (с. 272). В результате Чейз, проводя компаративный анализ, приходит к выводу, что политика Сталина, заключавшаяся в поиске «козлов отпущения», имеет глубокие корни в социальной психологии и может быть проиллюстри-

рована примерами из разных периодов истории.

В статье Голдман основное внимание уделено изучению такого источника, как заводские газеты, которые она называет «маленькими моторами террора». Опубликованные в них статьи заставляли рабочих и инженеров считать производственные проблемы, аварии и технические неполадки примерами вредительского на производстве. В итоге через заводские газеты трудящиеся узнавали имена врагов народа среди руководства предприятий, а после каждого ареста через это средство массовой информации инициировался поиск соучастников преступлений против народа. Таким образом, аресты инициировали расследования, которые приводили к новым арестам, порождая постоянно расширяющийся круг репрессий, включавший каждый раз новые общественные группы.

Статьи, включённые в заключительную главу, не связанные напрямую с практиками и механизмами большого террора, рассматривают его динамику и результаты через изучение статистических данных. С. Уиткрофт в своем исследовании ставит ряд вопросов, которые, как привило, задают все, кто сталкивается с темой репрессий: «Как широко распространялся террор?» и «Сколько людей было репрессировано?». М. Илик отвечает на эти вопросы на примере репрессий в Ленинграде.

Необходимо отметить, что последние публикации, исследующие

статистику в Советском Союзе, отличаются тщательностью и достоверностью. Детальная информация об арестах, приговорах и казнях регистрировалась статистическими отделами в карательных органах. Эти источники, полученные и проанализированные специалистами с целью получения реальных данных о чистках, дают нам представление о действительном размахе репрессий. Илик, в частности, изучает данные, содержащиеся в десяти-томном Ленинградском мартирологе, что позволяет ей показать размер чисток, происходивших в период ежовщины.

Книга, подготовленная коллективом известных советологов, в целом показывает возрождение интереса у западных историков к сталинскому периоду советской истории. Исследователи, часть из которых занимаются изучением этого сложного и дискуссионного периода истории с 1970-х гг., пытаются обозначить новые направления в изучении уже известных вопросов, использовать новые источники, методики исследования, рассмотреть их на микроуровне. Выводы авторов рассмотренных статей не бесспорны и могут стать причиной серьёзных научных дискуссий. Однако это и является, видимо, одной из главных задач, которую ставили перед собой составители издания, возобновить изучение практик и результатов репрессий с привлечением новых источников и с использованием новых методик исследования.